

Голосенко Игорь Анатольевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН.

Для людей, знакомых с обширной литературой, посвященной столыпинской реформе, заголовок данной статьи может показаться надуманным. Петр Аркадьевич Столыпин (1862-1911) — крупнейший русский администратор начала века — не упоминал имени Огюста Конта ни в своих известных речах, ни в документах или письмах. В свою очередь, в сочинениях Конта нет ни слова о русской общине и необходимости ее разрушения во имя "аграрного прогресса". Между тем содержательная связь между этими двумя фигурами имела место, и, несмотря на весьма причудливый характер, она, без всякого сомнения, является реальным (хотя и плохо изученным) фактом истории отечественной социологии.

Противоречивые оценки реформы 1907-1914 годов и действий ее зачинателя обнаружались в русской печати сразу же и сохранились до сих пор. Так, нынешние "патриоты" пишут о П.А. Столыпине как о русском "умственном богатыре", "исполине", чей оригинальный и проницательный ум обошелся без вненациональных влияний [1]. Другие утверждают противоположное: Столыпин якобы вообще не обладал прочным "умственным багажом", не был "генератором идей" и почти все позаимствовал из докладных записок возглавляемого им одно время Министерства внутренних дел, а также у русских административных новаторов типа С.Ю. Витте, В.И. Гурко и других [2]. И та, и другая оценки не соответствуют действительности. Столыпин имел "умственных" учителей и прежде всего в лице собственного дядюшки Дмитрия Аркадьевича Столыпина (1818-1893), пылкого поклонника социологии О. Конта, имел и практического продолжателя в лице своего младшего брата Александра Аркадьевича (1863- ?), также сочувствовавшего позитивизму. Но в литературе о них нет упоминаний. Только один А. Изгоев в очерке "П.А. Столыпин" (1912) глухо обмолвился, что самую "крупную идею" — о необходимости преобразования общинной земельной собственности в личную его герой заимствовал "отчасти из своих семейных преданий". Каких же именно?

Д.А. Столыпин был по материнской линии внуком графа Н.С. Мордвинова и в детские годы воспитывался в его доме, получив солидное по тому времени домашнее образование. Позднее перешел под покровительство своего дяди — Афанасия Алексеевича Столыпина, героя Бородинской битвы, богатого саратовского помещика и друга известного социального прожектера эпохи Александра I М.М. Сперанского. От дяди он воспринял многое, и главное — усвоил стремление рационально заниматься сельским хозяйством, усматривая в этом важнейшую сторону народного благосостояния. В соответствии с фамильной традицией, юноша решил посвятить себя военной службе и, закончив в 1839 году юнкерскую школу, поступил офицером в престижный Конногвардейский полк. Однако удачно начатая карьера вскоре была прервана по двум обстоятельствам. Во-первых, его независимый характер часто вступал в противоречие с рутинной и строгостями, диктуемыми военной дисциплиной, а во-вторых, в нем росло убеждение, что постоянная или длительная военная служба, совершенно необходимая для защиты Родины во время войны, в мирные годы не целесообразна. Добровольно уйдя в отставку, он вместе со своим старшим братом Алексеем, другом М.Ю. Лермонтова, отправился на Кавказ. Там он близко сошелся с поэтом, с которым братьев связывали родственные отношения — бабушка Лермонтова Елизавета Алексеевна Арсеньева была родной сестрой их отца.

Оставив службу, Столыпин с головой ушел в хозяйственные дела. Еще в 40-е годы, посетив полученное в наследство имение в Пензенской губернии, он был горестно изумлен бедностью крестьян. Отказавшись от некоторых своих доходов в их пользу, Дмитрий Аркадьевич, кроме того, безвозмездно передал им часть своей земли. Через некоторое время убедился, что это полумера. Стал внимательно присматриваться к попыткам соседей изменить ситуацию к лучшему: вот один помещик отдал всю свою

землю крестьянам, но из-за избыточного и постоянно растущего населения деревни это не принесло им благосостояния; другой купил пустующие земли и затеял переезд, таяжко сказавшийся на переселенцах.

Погрузившись в семейные хозяйственные отчеты, составленные его предками, Столыпин обнаружил устойчивую тенденцию падения урожаев за несколько десятилетий, ибо "наш знаменитый чернозем начал во многих местах сильно выпаживаться". Крымская война на время прервала его занятия. Он вступил в Александровский гусарский полк и за храбрость в боях был награжден золотым оружием. После окончания войны вышел в отставку и вскоре уехал за границу. Здесь (в основном в Женеве и Париже) провел несколько лет, пытаясь заполнить пробелы в своем образовании. Особенно пристальное внимание Дмитрия Аркадьевича привлекает научная новинка тех лет — учение основателя социологии О. Конта, чьим убежденным сторонником и пропагандистом он быстро становится.

Вернувшись на родину, Столыпин усиленно занялся научно-публицистической деятельностью, а также реорганизацией сельскохозяйственного производства и быта в своих обширных имениях, разбросанных по многим губерниям. Освобождение крестьян от крепостной зависимости приветствовал с энтузиазмом как новую "историческую эпоху в России". С 1863 по 1893 годы он написал множество статей и брошюр, которые часто объединялись в целые тома: "Сельскохозяйственные очерки" (1889), "Научные очерки. Наш сельский вопрос" (1890), "Учение О. Конта. Начала социологии по вопросу об организации земельной собственности и пользования землей" (1891) и другие. Некоторые работы публиковались за границей и получили вполне положительные отзывы. Сочинения Столыпина демонстрируют его социологическую начитанность, во всяком случае, он сочувственно ссылается на труды целого ряда отечественных и зарубежных позитивистов, особенно Г. Спенсера, Д. Милля, Э. Литтре, И. Тэна, а Аристотеля вообще называет величайшим "позитивистом античности". Однако абсолютным научным авторитетом является для него только Конт, причем как автор "Курса позитивной философии". (Подобно большинству русских социологов, Столыпин не принял контовскую "Систему позитивной политики" [3, с. 54].) Влияние Конта на русскую социологию было довольно сильным, хотя и противоречивым [4], однако, в отличие от других, Дмитрий Аркадьевич не ограничился чисто идейными заимствованиями, а попытался практически применить позитивизм к справедливому решению острейшего вопроса в стране — аграрного. Его волновала не столько догматическая часть построений (ее он оценивал весьма высоко), сколько методология, с помощью которой она строилась. Сам Конт любил повторять: "Во всех науках, в частности, в обществоведении, метод еще важнее конструкции". Столыпин пошел именно этим путем. Обнаружив в сочинениях французского позитивиста несколько научных приемов и принципов (наблюдение, сравнение, эксперимент, критико-аналитический и историко-генетический методы), он предположил, что их применение к аграрной проблеме России даст научное (то есть верное) решение¹. Каких же результатов достиг Столыпин, используя позитивные методы?

Наблюдение, которое, по его мнению, должно быть нацелено на поиск "нормальной" единицы крестьянской деятельности, необходимо сочетать с измерением (недаром Конт считал математику основой всех наук). Столыпин стал внимательно рассчитывать элементы хозяйственной организации (количество работников — обычно членов семьи, количество земли, необходимой для их содержания, количество земли, приносящей чистый доход, количество скота) и их корреляцию. Он проанализировал те факторы, которые уничтожают сельскохозяйственную единицу (обезземеливание, падение плодородия, колебание цен на продукцию, отсутствие кредитов в банке и т. п.), и те, что ее укрепляют [3, с.143].

В реальной аграрной жизни им были обнаружены две единицы — относительно малочисленные хутора (Финляндия, Прибалтийский край, юг России и Сибири) и общинное землевладение, охватывавшее основную массу крестьянства. Столыпин обратил внимание на то, что еще в 1830-1840-е годы в южных губерниях (Таврической, Екатеринославской и др.) после упразднения нескольких тысяч хуторов на казенных землях крестьян принудительно сводили в одну деревню, построенную по определенному

---

¹ Традиционное и ненаучное "решение" вопроса обычно связывалось с заветами "седой старины", сословными амбициями, откровенным невежеством и вызывало ненависть крестьян к барам и крестьянские волнения [5].

плану, родившемуся в канцелярии. Делалось это ради удобства сбора податей, которые обеспечивались круговой порукой общины. При этом вполне в духе императора Николая I составлялись огромные деревни до шести тысяч душ, без учета цифровых показателей "нормальной" сельскохозяйственной единицы. Старожилы, испытавшие на себе этот бюрократический эксперимент, со слезами на глазах рассказывали Дмитрию Аркадьевичу о своей былой жизни.

Своеобразную идейную поддержку Столыпин нашел в выводах известного социолога-органициста П. Лилиенфельда, бывшего одно время губернатором Курляндии, который отмечал большую производительность местных арендных хуторов в сравнении с крупными собственниками [3, с. 164-165]. Постепенно подводится итог многолетним личным наблюдениям: "в земледелии нормальное хозяйство — подворное, личное, это естественное явление" [5, с. 10].

Далее было предпринято дотошное сравнение материальных, культурно-хозяйственных выгод и, как бы мы сейчас сказали, экологических последствий двух систем землепользования. Предпочтение явно отдавалось хуторскому хозяйству. Его владелец может внедрять всяческие хозяйственные улучшения и поднимать культуру почвы без опасения, что выгодами от них воспользуется тот, к кому при общинном переделе перешел бы этот участок земли. Чересполосица приводила к хищнической эксплуатации полученного на время надела без восстановления его плодородия, к тому же он располагался далеко от дома и скотного двора. Перевозка навоза, орудий труда и урожая отнимала неоправданно много времени. Самые элементарные подсчеты нерациональных трат, утверждал Столыпин, просто пугают. С такими потерями процветания не достичь даже при хороших урожаях в течение нескольких лет подряд, что само по себе случалось редко. Кроме того, в общине совершается процесс опасной нивелировки, "уничтожение самостоятельности и инициативы личности", психология уравниловки гасит желание рисковать и искать новое [5, с. 12]. А круговая порука, которая обеспечивала фискальные повинности всех, тяжким бременем ложилась на более дисциплинированных и состоятельных членов общины, уменьшая тем самым ее богатство.

Как показал исторический анализ вопроса, предпринятый опять же по заветам Конта, считать общину сугубо национальной чертой "русской самобытности" — заблуждение, свойственное и некоторым консерваторам, и радикалам. Разница лишь в том, что первые — "панегиристы общины" видели в ней оплот против нигилистов, а вторые, с легкой руки А. Герцена, — эмбрионы социализма. Опираясь на исторические изыскания других отечественных позитивистов (М. Ковалевского, Н. Кареева), Столыпин пришел к выводу, что общинное пользование землей — явление мирового порядка, в разное время многие народы прибегали к такой доиндустриальной организации сельского хозяйства. Существует она и в ряде современных стран, например, в Ирландии. История повторяется, подчеркивает Столыпин, многие ирландские болезни и неудачи "напоминают наши собственные" [5, с. 28-29]. Погрузившись в изучение "писчих" книг Древнего Новгорода, Пскова и некоторых других русских городов, он убедился, что крестьянская община возникла у нас с появлением крепостного права в XVI веке, причем тогда это был исторически неизбежный и по-своему необходимый социальный институт гражданского права [3, с. 36-37, 155-156]. Теперь же историческая ситуация изменилась, община изжила себя.

Собрав материалы за 20 лет исследования, Столыпин пишет обзор "Наш земледельческий кризис" (1891), в котором доказывает, что падение производительности труда, малоземелье, низкая культура полей, плохая оплата вложенного в них сырого труда, бедность крестьян и их классовая злоба во многом проистекают из-за отсталого общинного землепользования. Пребывая в таком плачевном состоянии, сельское хозяйство будет еще более отставать от роста промышленности и не удовлетворять город — главный потребитель продукции. Капиталистический процесс — реальность, с которой нельзя не считаться и которой требуется иное, более эффективное землепользование. После появления в середине 90-х годов работ легальных марксистов (П. Струве, М. Туган-Барановского и других) такая точка зрения стала расхожей, но напомним, что Д.А. Столыпин начал высказывать свои взгляды еще в конце 60-х годов, "когда они имели все признаки новизны и оригинальности".

Нельзя утверждать, что "аномалии и несообразности" общины, отсутствие у нее признаков внутреннего развития никто, кроме Столыпина, не видел. Фронт ее противников был широк, хотя и не един, к ним можно отнести и литераторов

И. Гончарова, А.Фета, и сановных бюрократов Н. Бунге, П. Валуге, К. Победоносцева, и ученых Ю. Янсона, А. Постникова, П. Ефименко, П. Гиоргиевского, В. Тригорова. Последние собрали много фактических данных, но даже лучшие работы не были свободны от субъективизма. Априори считая общину патологическим наростом на теле народной жизни, они подбирали факты под эту установку. Отсюда недостаточная систематичность работ, невозможность их сопоставления, сравнения и объединения. Но в литературе и передовом общественном мнении господствовало прямо противоположное народническое толкование, считавшее общину мостиком к общественному владению орудиями производства и выступавшее против капиталистического пути развития России.

Какое же землепользование отвечало, по Столыпину, этому пути? Его мнение категорично — только "хуторская система", и все же он решил подкрепить личные наблюдения более объективной научной информацией. Его решительно не устраивало, что статистические данные последних десятилетий о бытовом положении крестьян в стране касались только общины. Как в физиологии начинают с изучения здоровых, но не больных тел, а в живописи — с изображения прекрасных, но не уродливых предметов, так социолог, считал Столыпин, должен начать с хуторского землепользования, которое кое-где еще осталось в России [3, с.113-114]. Через Московское общество сельского хозяйства, где он нашел идейных союзников и какое-то время являлся председателем Хуторского отделения, были организованы опросы и сбор статистических данных о переселениях и хуторах в западных и южных губерниях. Специальные анкеты распространялись и собирались руководителями сельскохозяйственных обществ, земскими статистиками, уездным начальством, волостными старшинами, священниками, врачами и учителями сельских школ. Кроме того, разнообразные сведения черпались из местной прессы различных губерний. Подобный вид социологической работы поддержало Вольное экономическое общество, которое таким же методом накопило много достоверных фактов о разложении общины [7].

На основании полученных материалов Столыпин делал доклады и выступал в печати — московской и местной земской. Результаты исследования были сгруппированы в два больших тома. Выводы опросов совпали с его собственными — "личное хуторское владение эффективнее общинного". Впрочем, опросы выявили существенные региональные отличия первого типа землепользования и кое-какие недостатки, которые, по мнению Столыпина, необходимо учесть при надвигающейся реформе. Главный из них — дробление земли хутора по наследству при наличии нескольких детей. Дмитрий Аркадьевич предлагал ввести законодательный минимум для деления земли. Кстати, западные фермеры избегали этой опасности проще — старший сын по желанию получал всю землю, а младшим за уступаемую долю он давал деньги.

Но то, что было ясно самому Столыпину и его единомышленникам по Московскому обществу сельского хозяйства, не встречало понимания среди землевладельцев — помещиков и общинников. В этих условиях Столыпин решил прибегнуть к последнему из еще не использованных им методов Конта — к эксперименту, надеясь при удаче усилить свои доводы в пользу хуторской системы наглядными и убедительными примерами.

Проблема частной собственности на землю решалась в позитивистской социологии далеко не однозначно: некоторые теоретики отрицали абсолютную поземельную собственность, хотя исходили из разных аргументов (Г. Спенсер, Д. Милль, Н. Михайловский, П. Лавров), некоторые оправдывали ее (Е. Де Роберти, В. Ключевский, Д. Столыпин). Л. Слонимский считал, что обе стороны могут спорить бесконечно и бесплодно, ибо речь идет о разных аспектах вопроса. Те, кто отвергает частную собственность на землю, имеют в виду ее государственно-политический элемент, а именно — важность территории в качестве единого "наследия человеческого рода" (как вода, воздух, солнечный свет и т. п.); те же, кто ее защищает, подразумевают хозяйственный, экономический элемент, то есть форму трудовых затрат и капитала. Абсолютно частной собственности на землю достичь трудно, за государством всегда останется право гарантировать для общего пользования свободный проход и проезд через частную территорию, право преимущественного выкупа земли частных лиц, когда этого потребует государственная польза. В отличие от других форм собственности, поземельная специфична, она имеет двойное (хозяйственно-политическое) значение и не может всецело поглощаться частным правом [8].

Столыпин предложил свой вариант решения вопроса. С начала 80-х годов до конца жизни он экспериментировал в своих усадьбах и поместьях родственников (в частности, в Тарханах, "малой родине" М.Ю. Лермонтова), создавал арендные хозяйства как форму

вольнонаемного труда на помещичьих землях, с правом арендатора на выкуп участка, если через несколько лет его хозяйство будет процветать. Разумеется, Столыпин не был пионером, аренда существовала и раньше. Но он внес одно очень важное уточнение. Когда в конце 60-х годов в ряде южных губерний кое-кто из помещиков стал сдавать усадьбы в аренду, вскоре выяснилось, что временные владельцы хищнически относились к земле, лесу и постройкам. Настоящий владелец после нескольких лет аренды нередко получал окончательно разоренную и ограбленную усадьбу, где даже хозяйственные постройки были растащены на топливо. Как показали исследования, так случалось тогда, когда аренда бралась в интересах накопления торгового капитала [9]. Учтя это, Столыпин в качестве главного условия аренды выдвинул требование обязательного "хозяйствования на земле". Он долго обдумывал условия эксперимента: оптимальные размеры арендного участка земли, круговое размещение пашен, покосов и пастбищ, тип жилища для хозяина, формы построек для скота и инвентаря, место для колодца, сада, огорода. Типовой проект стоил около 500 рублей. Все это излагалось в ряде брошюр, к которым прилагались формы контрактов на аренду хуторов. Начался эксперимент в Таврии, столыпинском имении близ Мелитополя, где были построены 16 хуторов, на 60-ти десятинах земли каждый. (Среднестатистический общинник в центральной России имел меньшее количество земли.) Позднее эксперимент был перенесен в имения Саратовской и других губерний. На первых порах крестьяне встретили слухи о предложениях барина настороженно — они издавна относились к предложениям подобного рода, как бы сравнивая, по словам некоторых исследователей, "перчатку с рукавицей": у частного владельца отдельный "чуланчик" для каждого пальца, а в общинной рукавице они все вместе и в мороз не зябнут, греют друг друга [10].

Патриархальная вера в то, что наступит время и по распоряжению верховной власти вся земля будет передана в руки крестьян, обнаруживалась любым беспристрастным исследователем деревни. Но вид удобных домов, преимущества компактного расположения полей и угодий, благоприятные условия аренды сделали свое дело. Будущие арендаторы выстроились в очередь, с каждым после собеседования и отбора заключался контракт на шесть лет. Арендатор должен был внести треть паевого взноса, остальная часть давалась ему в кредит на несколько лет. Постепенно образовался устойчивый спрос на аренду, который в ходе многолетних экспериментов постоянно увеличивался, хотя первоначальный денежный пай из-за роста цен на землю становился все больше. Разбуженную инициативу и расчет крестьянина это уже не пугало.

В условия договора включался штраф за неразрешенную управляющим рубку фруктовых деревьев и ягодных кустов. Управляющий оплачивал государственные налоги на землю и не вмешивался в производственный процесс, помогая по необходимости специальной литературой, собранной в библиотеке имения. Первый год отводился на нужды собственного подворья, а с получением доходов начиналась оплата кредита. Многие хуторяне увеличивали размеры арендуемой земли, нанимая на лето сезонных рабочих (с оплатой выше средних доходов крестьян центральной России). Вскоре хуторяне смогли покупать косильные машины, катки для молотбы, плуги разных видов (общинник пользовался обычно сохой и цепью). В их домах появились личные сельскохозяйственные библиотечки. Таким культурным арендаторам, крепко вставшим на ноги, Столыпин предлагал продавать землю. По его расчетам, это принесло бы ее старым хозяевам большую прибыль и, кроме того, способствовало бы созданию нового крепкого сельского класса союзников дворянских усадеб.

Интересно, что большую часть арендаторов составляли русские, меньшую — украинцы и только один был из немцев. Предполагаемый эффект подобного выбора, как установили неоднократные проверочные комиссии из Московского общества сельского хозяйства и Харьковского земледельческого училища, внимательно следившие за ходом эксперимента, полностью оправдался. Результаты проверок печатались в специальной прессе. Вот в общих чертах оценка итогов десятилетнего эксперимента в Таврии: на первых порах арендное хозяйство немца вырвалось вперед и быстро стало эффективным, более или менее зажиточно жили и упорно трудились украинцы, менее богатыми и более разболтанными были хозяйства русских. Вначале у немца сложились с соседями напряженные отношения, но постепенно все нормализовалось, и его "прикладные" уроки охотно перенимались: черный пар, химическое удобрение полей, новые машины, посадка специфических трав на выпасе и т. п. Уже через несколько лет контролеры зафиксировали добротные постройки, обилие фруктовых деревьев, множество сельскохозяйственных машин на подворьях, правильный севооборот и травосеяние и, что особенно ценно,

предприимчивую кооперативную деятельность по кредиту, хранению и сбыту продукции, ремонту техники. Почти все крестьяне стали арендовать дополнительную землю (и не малую), которая примыкала к их старому участку, хотя только за пять лет эксперимента цены на нее удвоились, а то и утроились. Редкий арендатор не имел нескольких рабочих лошадей и нескольких (как правило, породистых) коров.

Несмотря на дифференциацию по доходам среди арендаторов, по мнению одной комиссии, "даже беднейшие из хуторян производят впечатление такого достатка и довольства, которое не случалось еще видеть у наших общинников, оно напоминает невольно соседние немецкие колонии". Высокая продуктивность хуторского землепользования достигалась за счет более полноценной организации работы. Росли производительность труда и доходы, люди меньше уставали, отбросив массу неэкономных перемещений и пустого времяпрепровождения. В итоге напрашивался законный вывод: "произведенные опыты показывают, насколько русские крестьяне способны к развитию своего хозяйства, когда они поставлены в более нормальные условия" [11].

Сходная картина наблюдалась и в других имениях Столыпина, хотя были различия в кое-каких деталях, связанных с неодинаковыми климатическими и почвенными условиями. Как относились "братья по классу" к этим опытам? Подавляющая часть помещиков боялась сдавать крестьянам землю в аренду, полагая, что после нескольких лет работы на ней они начнут считать ее собственностью, ибо вера в "черный передел" в крестьянской душе обладала силой инстинкта [12].

В начале XX века, спустя годы после смерти Дмитрия Аркадьевича, целый ряд съездов объединенного дворянства в Саратове, Москве, Санкт-Петербурге поставил вопрос о разрушении общинного землевладения, но не по экономическим, а по политическим соображениям. Как иронично заметил М. Ковалевский, этими людьми владела "фантастическая идея" считать общину "рассадником социалистических бактерий", лекарство против которых они видели только в личной собственности [13]. При жизни же реформатора соседи-помещики цеплялись за свои нерентабельные "вишневые сады" и настороженно приглядывались к его опытам. Сказывались обломовская инертность и отсутствие хозяйственной рациональности. Столыпин вспоминал только один случай, когда некий городской промышленник, купивший соседское разоренное имение, узнал об арендном опыте и приехал лично — все внимательно рассмотрел, взвесил, вернувшись домой, сделал расчеты и, создав 19 хуторов на своей земле, приступил к похожему эксперименту. Он блестяще удался, и имение впервые за долгие годы стало приносить доходы [3, с. 48-49].

Помимо хуторского и отрубного землепользования (отруб — участок общинной земли, получаемой крестьянином в личное пользование) как самого справедливого средства решения аграрного вопроса в России, Столыпин особое внимание уделял развитию передовой земледельческой промышленности и оттоку явно избыточной части населения центральной России за Урал, в Сибирь и Казахстан. Еще в 1869 году он правильно подчеркнул, что такой процесс идет уже давно, но в хаотичной, стихийной форме и его надо организовать: расчистить свободные земли, дать ссуду переселенцам, освободить их на первое время от налогов, помочь в переезде и на новом месте. Эти акции должны быть частью социальной политики государства. Она себя оправдывает, ибо находят силы оторваться от привычных корней, как правило, сильные, инициативные и предприимчивые люди. Если их поддержать, то выиграет и страна в целом. На этом основании он горячо приветствовал создание в 1883 году государственного Крестьянского банка.

Будучи убежден в том, что социальные задачи — это прежде всего задачи общественного воспитания и их позитивное решение должно опираться на научную базу, Столыпин ставил вопрос о реформе образования в России, опять же связывая ее с заветами Конта, и даже выделил Московскому психологическому обществу большую по тем временам сумму в 2000 рублей на премию за лучшую отечественную работу по социологии французского позитивиста. Журнал общества "Вопросы философии и психологии" дал объявление о конкурсе, впрочем, патриотично дополнив имя Конта именем философа Вл. Соловьева.

Столыпин написал ряд брошюр о высшей школе, соотношении общего и специального сельского обучения, классического и реалистического образования [14]. Этим же вопросам посвящена третья книга его обширных "Очерков философии и науки" (1892). Центральные положения его рассуждений таковы: образование в крестьянской

среде должно быть ориентировано на положительные сдвиги в деревне, доказательства преимуществ современной агрокультуры и хуторского землепользования; общее среднее и высшее образование должны положить в свою основу усвоение наук по их классификации Контом.

Аналогичные идеи высказывались и раньше. Так, Д. Писарев в 1865 году выступал за необходимость перестройки гимназического и университетского образования в том же духе [15]. Но Столыпин вносит поправки, исключая из шести абстрактных наук Конта (математика, астрономия, химия, физика, биология и социология) астрономию, поскольку она наука "конкретная", и настаивает на добавлении психологии, которую упорно игнорировал Конт [3, с.124]. Необходимость такого добавления в систему наук подчеркивали многие русские социологи разных направлений. Подобная программа поможет привить учащимся идею о значении научно-философского подхода в мышлении, особенно в приложении к общественным явлениям, которые подчиняются всемирным законам. После обучения по такой программе у человека складывается целостная научная картина мира. Теперь можно перейти к профессиональному обучению — специализации в одной из дисциплин или виде деятельности. Столыпин настойчиво подчеркивал необходимость демократизации школы, "как можно большего распространения общего образования во всех классах общества".

Следующий пункт его предложений носит несколько курьезный и пристрастный характер. Он предлагает подвергнуть самой суровой критике способы преподавания и содержание учебных курсов по политической экономии, которая напоминает ему скорее "ретроградную метафизику", чем науку, имеющую дело с практическими вопросами [16]. (В этой связи уместно напомнить, что и сам Конт считал современную ему политическую экономию "псевдонаукой".) Политическая экономия, утверждал Столыпин, исходит из вербальных призывов "свободы, равенства и солидарности", а должна исходить из естественных законов развития производства, которые постоянно указывают вектор социальной динамики: переход "от слабого к более сильному хозяйству". Попытка искусственно сохранить слабые хозяйства означает самоубийство социального организма. Нечто подобное происходит при консервации общины [3, с. 24-25, 97, 110]. Социологу это очевидно, поэтому он предлагал создать в университетах России кафедры истории и философии науки для изучения современных научных методов и кафедры социологии [3, с. 30, 129-130]. Между тем Столыпин видел, что русская деревня после 1861 года не возродилась. Через 30 лет, за два года до его смерти, голод по всей стране унес почти миллион жизней. Будучи формально свободным, русский крестьянин оставался в условиях общинного землевладения не свободным. Эти факты сильно травмировали Дмитрия Аркадьевича, искренне желавшего изменить ситуацию к общей пользе. Смерть этого незаурядного русского человека также была необычной. Уже в преклонном возрасте он стал ухаживать за своим еще более старым слугой, который заболел крупозным воспалением легких. Считая, что в комнате больного мало света, Столыпин переместил его в свой кабинет. Понимая, что болезнь может быть заразной, он запретил родным посещать себя пока слуга не поправится. Но вскоре сам заболел и последние несколько дней жизни провел, диктуя очередную и последнюю социологическую статью. Закончив ее — умер. Похоронен Д.А. Столыпин в Новодевичьем монастыре в Москве.

Совершенно очевидно, что знаменитая столыпинская реформа был задумана Петром Аркадьевичем как многоаспектное изменение страны включающее модернизацию земской управы и судебного дела, улучшение положения рабочих, новую организацию кредитного дела, проведение новых коммуникаций и т. п. Но сердцевину реформы составляли идеи преобразования общинного землевладения, обеспечение политики и практик переселения и нововведений в школе — все то, что предложил дядя П.А. Столыпина, книги и эксперименты которого тот, конечно, хорошо знал (благо последние проводились в родовых поместьях). Но между ними были и серьезные расхождения. Если реформатор и администратор П.А. Столыпин стремился обойти вопрос о помещичьих владениях за счет казенных земель и перетряхивания общинных угодий, что особенно возмущало крестьян [12], то теоретик и экспериментатор Д.А. Столыпин предлагал помещикам передать большую часть своей земли в арендное хозяйствование тем, кто хочет на ней работать, и продавать ее по потребностям вольнонаемных арендаторов. Он, как и А. Фет, считал, что хотя община уже "разваливается от собственной бессвязности", следует остерегаться как ее "искусственного скрепления", так и насильственной ломки "во имя свободы". Ученый Д.А. Столыпин верил в силу примера, администратор П.А. Столыпин — просто в силу и форсировал реформу. Отсюда его

готовность к репрессиям, а в итоге террор с двух сторон — официальный и подпольный. Оба принципиальных отличия предопределили пробуксовку реформ и даже их провал.

Что касается младшего племянника, о котором мы упоминали в начале статьи, то он Дмитрия Аркадьевича целиком поддержал и практически воплотил ряд идей о специфическом фермерском образовании для русских крестьян. Александр Аркадьевич Столыпин был журналистом, литератором и общественным деятелем позитивистского склада, организовал и долгие годы возглавлял общество "Русское зерно", четко сформулировав его цели: помочь самой большой и самой бедной части русского народа — крестьянству выбраться из нужды в эпоху начавшейся земельной реформы через ряд воспитательных мер и прежде всего посредством практического обучения у зарубежных фермеров.

Общество "Русское зерно" было добровольным, его первоначальный фонд составлялся из членских взносов и пожертвований. Довольно быстро оно открыло свои отделения во многих губернских и даже уездных городах России, а также за границей, где возглавлялось членами попечителями, которые избирались, как правило, из профессоров местных сельскохозяйственных школ и училищ. Их главной обязанностью было распределение русских практикантов по училищам и фермам, помощь в овладении иностранным языком и контроль за работой. С 1908 по 1915 годы общество послало за границу (Чехию, Словакию, Болгарию, Германию, Францию, Данию) и в отечественные образцовые хозяйства (Финляндию и Прибалтику) сотни практикантов (в основном мужского пола, в возрасте от 19 до 30 лет) из различных районов страны. Поражает довольно высокий образовательный ценз практикантов, за плечами которых числились сельскохозяйственные школы, учительские семинарии, церковно-приходские школы, иногда попадались даже гимназисты. Отбор проводился провинциальными отделениями общества, которые старались финансировать поездку через Земскую управу, московское же отделение снабжало соответствующими сопроводительными письмами, документами, иногда и деньгами.

Практиканты были обязаны составлять по особой форме отчеты об увиденном, сопоставлять свои наблюдения с отечественными реалиями, сообщать о планах, а вернувшись в Россию, писать письма о том, что и каким образом они пытаются применить из зарубежного опыта и каковы результаты. За 1909-1915 годы такие письма составили интереснейший материал, позволяющий сделать ценные социологические обобщения, которые не потеряли актуальности до сих пор. А.А. Столыпин предложил назвать два обширных сборника этих документов незатейливо, но точно — "Письма крестьян". Среди тех, кто был послан за границу со всех губерний России, около 5% вели до командировки отрубное и хуторское хозяйство; остальные были общинниками или выходцами из сельской интеллигенции. После практики их взгляды радикально изменились — все приветствовали фермерский вариант землепользования. А.А. Столыпин внимательно следил за деятельностью вернувшихся питомцев. Лучшим хозяевам "Русское зерно" выделяло премии (до 1000 рублей), но не деньгами, а по — усмотрению крестьянина — племенным скотом, элитным зерном или сельскохозяйственными машинами на ту же сумму.

Находясь за границей, практиканты часто писали о том, что им "стыдно за родину", ибо они видели не экстенсивное натурально-примитивное хозяйство, как у нас, а интенсивное культурное хозяйство, зажиточный быт (многие корреспонденты подчеркивали: "дома фермеров, как у наших помещиков"), здоровый досуг (отсутствие бытового пьянства), высокую трудовую этику (воровать и лениться на работе — "себе во вред"). Повальное удивление вызывали при этом относительно небольшие размеры фермерских земельных участков. Вот одно из дословных свидетельств: "если бы русский крестьянин имел столько земли, то, конечно, убежал бы в город на фабрику или пошел бы с корзиной просить милостыню" [17]. Различия в сельском производстве и быте за рубежом и на родине практиканты объясняли научной организацией труда, обилием машин и механических приспособлений, учетом новейших разработок аграрной науки, а также уважительными межчеловеческими отношениями. Кстати, на этом основании "Русское зерно" составило список отечественной и переводной литературы для сельских библиотек о самых передовых методах мирового сельского хозяйства.

Вначале общество посылало практикантов к тому или иному фермеру по одному, но позднее увеличило их число до двух-трех человек. Тем самым снималось ощущение одиночества и кроме того, обсуждение увиденного носило уже коллективный, более полезный характер. В конце своей деятельности общество стало практиковать выезд за

границу целых делегаций (до двух десятков человек и больше). Обычно срок командировки ограничивался девятью месяцами, но некоторые (в зависимости от типа хозяйства) оставались на два года. По многочисленным свидетельствам, за время заграничной практики менялся не только внешний вид русских крестьянских ребят (городская, относительно модная одежда), они усваивали преимущества аккуратности, чистоплотности, благовоспитанности. Примечательно, что по возвращении на родину питомцы "Русского зерна" нередко сталкивались с апатией и враждебностью земляков. Психология грубосколоченного коллективизма не совмещалась с личной ответственностью и свободой фермеров. Выходец из вологодской деревни писал, что после его рассказов соседи заявили ему: сегодня выйдешь из общины на хутор, а "завтра его сожжем" [18, с.542]. Другой свидетельствовал, что когда он на сходе начал говорить о хуторских хозяйствах как лучшем и верном способе достичь благополучия, "вопли, крики, ругань заглушали мои доводы" [18, с.507]. Реакция на рассказы третьего о зарубежном опыте и экономическом процветании (личные велосипеды у фермеров и подписка на прессу) была относительно безобидной по форме, но тоже весьма характерной: их назвали "враньем" и осмеяли [18, с.505-506]. Впрочем, такое отношение общинников не обескураживало деятелей "Русского зерна". Сам Столыпин строил планы относительно еще более широкого и комплексного развития учебного дела и профессиональной специализации русского крестьянства, полагая этим конкретно помочь реформе, затеянной его братом, и надеясь реализовать некоторые намерения дяди. Воистину задача аграрной реформы становилась их "семейным делом".

Но Октябрьская революция 1917 года выбросила А.А. Столыпина в эмиграцию. "Столыпинские" опыты закончились, в России торжествовали другие экспериментаторы. Многие общины (а за восемь лет реформы общину покинуло 26,1% крестьян) были восстановлены [19]. То, что произошло, хорошо известно: насильственная коллективизация, истребление лучших представителей крестьянства. Прошло время, и на исторической арене страны уже в наши дни появились новые экспериментаторы, новые надежды и слова. А проблемы аграрной России не исчезают и по-прежнему ждут своего решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дьяков И. Забытый исполин // Наш современник. 1990. № 3. С. 138.
2. Дубровский С. Столыпинская земельная реформа. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963; Зырянов П.К. Столыпин без легенд// Историки отвечают на вопросы. М.: Моск. рабочий, 1990. Вып. 2; Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьба реформ в России. М. Политпросвещение, 1991; Островский И. В. П.А. Столыпин и его время. Новосибирск: Наука, 1992.
3. Столыпин Д.А. Учение О. Конта. Начала социологии по вопросу об организации земельной собственности и пользование землей. М.: Тип.В.А. Гатцука, 1891.
4. Голосенко И.А. Исторические судьбы идей Огюста Конта: трансформация позитивизма в русской социологии XIX-XX веков // Социол. исслед. 1982. № 4.
5. Столыпин Д.А. Сельскохозяйственные очерки. М.: Тип. В.А. Гатцука, 1889.
6. Зарин А. Столыпин Д.А.// Русский биографический словарь. СПб: Тип.Товарищества "Общественная польза", 1909. Т. 19. С. 438.
7. Лосицкий А.Е. Распадение общины. СПб.: Тип.Имп.Вольного экон.общества, 1912.
8. Слонимский Л. Поземельная собственность в теориях экономистов и социологов: Критический этюд // Вестник Европы. 1883. № 1.
9. Варзер В. Евреи арендаторы в Черниговской губернии // Отечественные записки. 1878. Кн. X.
10. М.Р. Общинное чувство русского народа: Этнографический очерк // Свет. 1879. №2. С. 137.
11. Столыпин Д.А. Основные воззрения и научный метод Огюста Конта. Наш земледельческий вопрос. М.: Тип. А.А. Гатцука, 1889. С. 20-23.
12. Чернышев И.В. Что думали крестьяне об общинном землевладении накануне указа 9 ноября. СПб.: Тип.Имп.Вольного экон.общества, 1912; Община после 9 ноября 1906 года (по анкете Вольного экономического общества). Пг.: Тип.Вольного экон.общества, 1917. Ч. 1,2.

13. Ковалевский М.М. П.А. Столыпин и объединенное дворянство // Вестник Европы. 1913 № 10.
14. Столыпин Д. А. Классицизм и положительная наука. Об единстве наук и реальном образовании. М.: Тип.И.Е. Шюман, 1872; Два вопроса: земледельческий и общее образование. М.: Тип.И.Е. Шюман, 1872; Несколько слов о высшем образовании. М.: Тип.В.А. Гатцука, 1892.
15. Писарев Д.И. Исторические идеи О. Конта. // Поли. собр. соч. т. 1. СПб.: Книгопечатня Шмидт, 1909.
16. Столыпин Д.Л. Научный прогресс и ретроградная метафизика в области сельскохозяйственных учений. М.: Тип.В.А.Гатцука,1890.
17. Письма крестьян. СПб.: Тип.Им.Уч.Глухонемых, 1911. Сб. 2. Ч. 1.
18. Письма крестьян. СПб.:Тип.Им.Уч.Глухонемых,1915. Сб. 2. Ч. 2.
19. Дьякин В.С. Был ли шанс у Столыпина? // Звезда. 1990. № 12.